

душевномъ равновѣсіи и ея развитіи въ направленіи наибольшей цѣльности и экономіи психическихъ силъ.

И прежде всего укажемъ, что сама личность есть продуктъ (и при томъ сравнительно-поздній) развитія общенности, что она (личность, какъ особый укладъ духа) образовалась путемъ прогрессивнаго развитія именно соціальныхъ (а не органическихъ и другихъ) чувствъ. Человѣкъ былъ искони животнымъ групповымъ, общественнымъ и выступилъ на историческую сцену съ уже готовыми соціальными чувствами и стремленіями, ставшими инстинктомъ не менѣе властнымъ и слѣпымъ, чѣмъ инстинкты біологическіе. Долгія тысячелѣтія прошли, прежде чѣмъ въ нѣдрахъ общенности могла образоваться личность. Многія соціальныя явленія (въ томъ числѣ и государство) предшествовали возникновенію личности, и послѣдняя унаслѣдовала разнообразныя соціальныя чувства, связывавшіяся съ до-личными общественными образованіями. Затѣмъ, въ порядкѣ историческаго развитія, эти архаическія чувства перерабатывались, видоизмѣнялись въ ту или другую сторону, переходили въ новыя чувства или совсѣмъ упразднялись. Какъ примѣръ, укажу на патріотизмъ. Въ наше время это соціальное чувство, даже въ его наиболѣе вульгарномъ видѣ, все-таки представляется гораздо болѣе сложнымъ и часто болѣе возвышеннымъ сравнительно съ патріотизмомъ античнымъ, который, въ свою очередь, не былъ единообразнымъ, а развивался въ извѣстномъ направленіи, расширяясь и облагораживаясь. Если взять его въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ выраженій, то это окажется патріотизмъ не національный и даже не государственный въ собственномъ смыслѣ, а общинно-родовой, опиравшійся на узкіе интересы общины и на родовую религію (преимущественно культъ предковъ). Но былъ нѣкогда (и есть и нынѣ — у дикарей) «патріотизмъ» еще болѣе примитивный и грубый: это — инстинктивное тяготѣніе къ своему «человѣческому стаду» и слѣпая вражда къ другимъ такимъ же «человѣческимъ стадамъ». Сущность явленія сводится именно къ тому, что здѣсь нѣтъ еще личности, а есть только индивиды, которые внѣ стада не существуютъ и искони были стадными. Намъ трудно проникнуть въ эту своеобразную психологію, гдѣ нѣтъ личности. Но вспомнимъ, что соціальная психологія есть система психическихъ отношеній, связей и взаимодействій; эта система

существенно измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ организациі труда, его усложненіемъ, усовершенствованіемъ и раздѣленіемъ. На этой почвѣ впервые и создаются социальнo-психологическія основы или формы личности. Предпосылка личности это — сперва смутное, потомъ болѣе явственное сознаніе своего социальнаго положенія, своего мѣста въ общественной организациі. Прошли тысячелѣтія, пока изъ этой предпосылки могла возникнуть человѣческая личность, долго еще оставшаяся шаткой и расплывчатой. *Личность есть конечный результатъ психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности.* Только съ появленіемъ личности становится возможной антитеза: я и общество. Индивидъ, не имѣющій личности, этой антитезы не знаетъ: онъ не противопоставляетъ себя обществу, — онъ тонетъ въ немъ. Всѣ индивиды, составляющіе группу, до неузнаваемости похожи другъ на друга даже физически, а психически ихъ совсѣмъ нельзя различить: внутренній міръ одного есть точное повтореніе внутренняго міра другого. Есть особи, но нѣтъ психологической индивидуальности, нѣтъ того обособленія личной психологіи, въ силу котораго становится возможною антитеза: я и общество. На этой ступени (на которой и въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыхъ дикарей) индивидъ такъ тѣсно примыкаетъ къ группѣ, что у него нѣтъ психической возможности противодрѣствовать ея давленію и выбиться изъ социальныхъ узъ, опутывающихъ его со всѣхъ сторонъ. Такое общество есть арена могущественныхъ психическихъ взаимодействій и подражаній, и теорія Тарда *всецѣло* оправдывается *только* здѣсь. Мы, съ нашимъ душевнымъ укладомъ, основаннымъ на всемірно-историческомъ многовѣковомъ развитіи личности, не можемъ и представить себѣ всего гнета подражательности и всей силы социального давленія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Развѣ только явленія гипноза и массовыя движенія, въ которыхъ личность временно какъ бы парализуется и устраняется, могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о социальной психологіи дикаря и первобытнаго человѣка, о человѣческой психикѣ до возникновенія личности. Въ нашихъ глазахъ такой укладъ представляется явленіемъ патологическимъ, и онъ дѣйствительно патологиченъ съ точки зрѣнія той социальнo-психологической

нормы, которая обусловлена самымъ фактомъ существованія личности, какъ особаго порядка психическихъ явленій.

Психологія дикарей насъ интересуеъ здѣсь постольку, поскольку она можетъ дать намъ указанія для постановки вопроса о психологической природѣ личности и о соціальныхъ условіяхъ, необходимыхъ для ея образованія. Поэтому мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ дикарей, въ психологіи которыхъ не усматривается ясныхъ признаковъ личности, и въ жизни которыхъ нѣтъ соціальныхъ образованій, безусловно необходимыхъ для расцвѣта личной психики.

Съ тѣмъ вмѣстѣ такіе дикари любопытны для насъ и по вопросу о значеніи для личности тѣхъ чувствъ, которыя я называю *надъ-соціальными*. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

VII.

Личность, — сказали мы, есть синтезъ психическихъ процессовъ индивида. На этомъ опредѣленіи остановиться нельзя: оно слишкомъ формально и не даетъ отвѣта на вопросы о характерѣ этого синтеза, объ его психологической природѣ. Вѣдь дикарь, какъ особь, также имѣетъ свой душевный синтезъ; нельзя отрицать его существованія и у животныхъ. Вообще вездѣ, гдѣ есть расчлененная и организованная физиологическая животная особь, тамъ есть и нѣкоторый синтезъ психическихъ процессовъ, данныхъ въ этой особи. Нервная система и мозгъ являются физиологической предпосылкою и необходимымъ основаніемъ психическаго объединенія. Итакъ существуютъ психическіе синтезы и до личности. Личность должна быть понимаема, какъ одинъ изъ многихъ синтезовъ, какъ особый родъ или типъ душевнаго объединенія, несвойственный животнымъ и еще не возникшій у весьма многихъ дикарей. Для осуществленія этого новаго типа синтеза необходима человѣческая общественность и при томъ прогрессирующая, цивилизующаяся. Личность — продуктъ цивилизаціи.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ для насъ уясненіе характерныхъ чертъ индивидуальной психики дикаря. Оно дастъ возможность уловить тѣ особенности, которыми дикарь, *какъ психически-организованная особь*, отличается отъ цивилизованнаго человѣка, *какъ личности*. А это именно то, что намъ нужно.

Не лишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь одну оговорку, для предупрежденія возможныхъ возраженій или сомнѣній. Могутъ замѣтить, что, если и у насъ, въ цивилизованномъ мірѣ, душа человѣка, нашего ближняго, — потемки, то тѣмъ болѣе темна и недоступна изученію душа дикаря. Могутъ указать при этомъ на шаткость и недостоверность нашихъ свѣдѣній о дикаряхъ, о многочисленныхъ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ, иногда очень курьезныхъ, въ какія впадали путешественники и миссіонеры, имѣвшіе дѣло съ дикарями. На это мы возразимъ слѣдующее: конечно, ошибокъ и недоразумѣній было не мало, но они выясняются и исправляются. Собранъ большой запасъ достовѣрныхъ и цѣнныхъ наблюдений, уже составившихъ положительное достояніе науки. Затѣмъ нужно различать между наблюденіями надъ учрежденіями, бытомъ, вѣрованіями и т. д. дикарей съ одной стороны, и тѣми, которыя относятся къ ихъ индивидуальной психологіи — съ другой. Насколько легко ошибиться въ области первыхъ, настолько легко дать правильныя и точныя свѣдѣнія относительно второй. Бытъ, учрежденія, вѣрованія дикарей настолько чужды намъ, мы такъ далеко ушли впередъ, что самый осторожный и свѣдущій наблюдатель рискуетъ не понять смысла того или другого обычая, невѣрно оцѣнить характеръ того или иного учрежденія. Другое дѣло — индивидуальная психика дикаря. Она настолько несложна, незамысловата и наивна въ своихъ обнаруженіяхъ, что наблюдатели имѣли полную возможность уяснить себѣ и намъ важнѣйшія и постоянныя черты душевной жизни дикаго человѣка, — и, можно смѣло сказать, мы имѣемъ теперь достаточно-вѣрное о ней представленіе, если не въ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общемъ и существенномъ.

Это представленіе сводится къ слѣдующему:

1) *Слабость умственныхъ процессовъ.* Мысль дикаря ничтожна и по количеству, и по качеству. Малѣйшее умственное усиліе утомляетъ его; онъ не способенъ мыслить послѣдовательно въ опредѣленномъ направленіи; его мышленіе хаотично, не систематизировано; оно скудно общими понятіями и держится въ предѣлахъ конкретнаго; можно сказать, что дикари совсѣмъ не имѣютъ того, что логика называетъ *понятіемъ*, — они *мыслятъ предметно*. Въ связи со скудостью мысли, конечно, стоитъ и низкій уровень языка. Архаич-

ность, невыработанность грамматического строя это — только другая сторона той же медали; скудость языка есть скудость мысли.

2) *Преобладание сферы чувствъ въ общей экономіи психики.* При этомъ нужно имѣть въ виду, что по содержанію сфера чувствъ у дикаря развѣ лишь немногимъ богаче сферы его мысли (въ особенности замѣтно отсутствіе высшихъ — человѣчныхъ — чувствъ, и бросается въ глаза преобладаніе низшихъ). Выдающееся значеніе чувствъ въ психикѣ дикаря основано не на богатствѣ этой сферы, а на ея функціи. Она бѣдна, но ея дѣятельность энергична. Чувства дикаря легко воспламеняются и переходятъ въ *аффекты*. Подобно ребенку, онъ вѣчно во власти душевныхъ волненій, сопровождающихся слезами и смѣхомъ. Онъ въ высокой степени *эмоціоналенъ*. Оттуда и тотъ фактъ, что мысль дикаря почти всегда связана, можно сказать, *окрашена* чувствами и эмоціями.

3) *Слабость задерживающей воли.* Подчиняясь власти аффектовъ, дикарь не въ силахъ воздержаться отъ моментальнаго приведенія въ дѣйствіе своихъ стремленій или вождельній. Дѣйствіе слѣдуетъ такъ фатально, можно сказать, автоматически за импульсомъ аффекта, что наблюденія, сюда относящіяся, приводятъ даже къ сомнѣнію въ существованіи у многихъ дикарей нравственнаго чувства. Зачастую дикари являютъ зрѣлище, поразительно совпадающее съ тѣмъ, что психіатры называютъ *нравственнымъ помѣшательствомъ*, подобно тому, какъ въ умственной сферѣ бросаются въ глаза черты, напоминающія картину *слабоумія*.

На основѣ этого общаго представленія о психикѣ дикаря у насъ складывается воззрѣніе на ея синтезъ, какъ на очень плохой, некрѣпкій. Если *наша психика* не можетъ считаться хорошо объединенной, если *нашъ синтезъ личности* еще очень далекъ отъ совершенства, то психика дикаря гораздо хуже организована и явно сближается съ нѣкоторыми формами психозовъ душевной дезорганизации. Душѣ дикаря недостаетъ какихъ-то скрѣпъ, какихъ-то связующихъ и объединяющихъ началъ, которые бы могли дать извѣстную устойчивость его психикѣ, оживить и укрѣпить работу мысли, подчинить дѣятельность чувствъ извѣстной нормѣ, воспитать задерживающую волю. Обращаясь къ этимъ, отсутствующимъ у дикаря, *скрѣпамъ*, мы сейчасъ усматриваемъ, во-первыхъ,

ихъ социальное и цивилизаторское значеніе, во-вторыхъ, ихъ несомнѣнную важность для образованія *личности*.

Въ ряду этихъ психическихъ скрѣпъ, объединяющихъ личность, упомянемъ прежде всего о той, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ развитіемъ языка и умственной дѣятельности. Это именно національность. Всѣ мы имѣемъ національность, и наша психика работаетъ на ея основахъ, въ ея формахъ, а потому мы и не замѣчаемъ психологическаго значенія національности для правильнаго развитія, для нормальнаго отправленія душевныхъ функцій личности, какъ не замѣчаемъ своего здоровья или воздуха, которымъ дышимъ. Только наблюдая случаи денационализаціи, г. е. тѣ, когда люди утратили свою національность, а другую еще не приобрѣли, мы можемъ замѣтить огромное значеніе этой психической скрѣпы: денационализація ведетъ къ упадку личности, къ ослабленію ея умственной дѣятельности, къ нравственному разложенію.

Что такое національность? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ, но можно указать на главнѣйшій признакъ явленія національности: это именно—объединеніе социальныхъ группъ въ болѣе обширную группу на почвѣ общаго языка, достигшаго извѣстной высоты развитія и являющагося психическимъ основаніемъ для коллективной умственной дѣятельности, стремящейся возвыситься надъ тѣмъ, что непосредственно дано въ языкѣ. Национальность должна быть признана тамъ, гдѣ уже есть настоящий языкъ (а не собраніе говоровъ) и общіе умственные интересы, органомъ которыхъ и служить языкъ; эти умственные интересы выражаются въ творествѣ,—въ поэзіи, мифѣ, въ начаткахъ религіознаго сознанія. Это—первые шаги, это—симптомы возникновенія національности. Въ дальнѣйшемъ, вѣками культурнаго развитія, національность вмѣстѣ съ языкомъ превращается въ ту психологическую форму личности, которая придаетъ ей своеобразный душевный складъ, ничуть не опредѣляя ея положительнаго содержанія.

У дикарей нѣтъ національности, потому что нѣтъ объединенія въ языкъ и творствѣ, на немъ основанномъ. «Языки» дикарей называются такъ только для краткости: это—не языки и даже не діалекты, а только—*говоры*, весьма неустойчивые, разнообразящіеся въ лексическомъ отношеніи отъ поселка къ поселку, отъ орды къ ордѣ, измѣняющіеся до неузнаваемости

черезъ два-три поколѣнія, при чемъ ихъ формальный характеръ остается неподвижнымъ или, по крайней мѣрѣ, измѣняется слишкомъ медленно, для того чтобы эти измѣненія могли такъ или иначе повліять на развитіе мысли. Здѣсь нѣтъ традиціи языка, какъ органа умственнаго творчества. Это—не языкъ, образующій высшую мысль, это только—даръ рѣчи для практическихъ цѣлей, для общенія. Зачатки поэзіи и мифа, конечно уже имѣющіеся въ наличности, слишкомъ ничтожны, слишкомъ неустойчивы при такомъ «языкѣ», чтобы на нихъ можно было смотрѣть, какъ на залогъ будущаго развитія мысли. Иначе говоря, у дикарей нѣтъ того широкаго общенія и психическаго взаимодействія, на почвѣ котораго возникаетъ національность съ ея особымъ складомъ и ея творчествомъ.

Чтобы лучше оцѣнить все значеніе этого факта, обратимся къ цивилизованному человѣку, *который данъ вмѣстѣ съ національной формой, а также снабженъ и другими психическими формами*, кромѣ національной; мы поведемъ рѣчь и о нихъ, чтобы объединить въ одномъ фокусѣ роль формальныхъ элементовъ и выяснить ихъ значеніе для личности.

Всякій, кто хоть немного вдумывался въ психологическій составъ личности, какъ она дана въ цивилизованномъ мірѣ, знаетъ, конечно, какъ много въ этомъ составѣ того, что должно быть понимаемо, какъ форма личности, въ отличіе отъ ея содержанія. Формальными элементами являются тѣ черты, которыя личность воспринимаетъ изъ: 1) національной среды, 2) изъ класса, къ которому она принадлежитъ, 3) отъ своего профессиональнаго положенія въ обществѣ и т. д. Въ каждомъ изъ насъ можно найти цѣлый рядъ такихъ формъ. Если, выражаясь фігуально, произвести поперечный разрѣзъ личности, то такой «разрѣзъ» обнаружилъ бы рядъ концентрическихъ круговъ: самый широкій изъ нихъ національный (положимъ, субъектъ—русскій), затѣмъ—кругъ, слагающійся изъ историческихъ классово-сословныхъ чертъ (напр., дворянинъ, потомковъ бояръ или князей), далѣе—кругъ изъ современныхъ классовыхъ отношеній (хотя и дворянинъ, и «потомокъ», но въ то же время типичный для современности буржуа-капиталистъ), потомъ—кругъ изъ чертъ профессиональных (долго служилъ по выборамъ и усвоилъ типичныя черты

земскаго дѣателя), наконецъ—кругъ изъ чертъ мѣстныхъ (типичный провинціалъ или типичный москвичъ). Такихъ «круговъ» у одного можетъ быть больше, у другого меньше; одни изъ нихъ представляются не яркими, малозамѣтными, другіе—гораздо ярче, устойчивѣе и сохраняютъ свое значеніе при всевозможныхъ перемѣнахъ въ судьбѣ челоуѣка: таковъ «кругъ» національный, а также—нѣкоторые изъ классовословныхъ, исторически развившихся и слагающихся изъ чертъ, передаваемыхъ наслѣдственнымъ путемъ (сюда можно отнести, напр., формальные признаки духовенства, ставшіе типичными и нерѣдко сохраняющіеся у лицъ, вышедшихъ изъ духовенства, но къ нему не принадлежащихъ, избравшихъ другое поприще). *Не всѣ, но огромное большинство* этихъ формъ должны быть признаны съ этической стороны безразличными и нравственной оцѣнкѣ не подлежащими. Только немногія изъ нихъ, именно изъ числа узко-профессиональныхъ, связанныхъ съ дѣятельностью, подвергающейся нравственному сужденію (одобренію или порицанію), по необходимости подпадаютъ подъ нравственную оцѣнку (положительную, напр., для сестеръ милосердія, для миссіонеровъ и т. д., отрицательную—для ростовщиковъ, для воровъ,—ибо есть и такія профессиональныя формы). Нетрудно видѣть, что возможность нравственной оцѣнки увеличивается по мѣрѣ того, какъ «круги» суживаются. Самый широкій—національный—никакого отношенія къ этикѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть (весьма, къ сожалѣнію, распространенное стремленіе приписывать нравственныя качества, положительныя или отрицательныя, разнымъ національностямъ, какъ таковымъ, есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ и зловредныхъ недомыслий). Къ этикѣ могутъ имѣть отношеніе только тѣ круги, которые ближе всего подходятъ къ центру,—къ той центральной точкѣ, гдѣ помѣщается самое содержаніе личности съ ея особымъ физиологическимъ строемъ, ея темпераментомъ, ея умственнымъ складомъ, ея нравственностью, волевымъ упорядоченіемъ, личными особенностями характера, вкусовъ, стремленій и т. д. Всѣ окружающіе эту точку концентрическіе круги формъ, какъ обручами, сжимаютъ и скрѣпляютъ личность. Они-то и объединяютъ ее, они вносятъ чрезвычайно важный вкладъ въ дѣло организаціи личности, въ дѣло созданія ея синтеза.

Дикарь не имѣетъ перваго и важнѣйшаго «круга» — національности, какъ это было указано выше; другихъ круговъ — классовыхъ, профессиональных — у него также нѣтъ за отсутствіемъ правильнаго, организованнаго труда ¹⁾. Сама организація общественнаго труда едва-ли и возможна безъ предварительнаго образованія народности, хотя бы въ ея зачаткахъ. Возникновеніе народности (элементарной національности) означаетъ ту степень объединенія группъ и созданіе той, такъ сказать, системы духовныхъ силъ, которыя и пролагаютъ путь къ организаціи общественнаго труда съ его раздѣленіемъ, съ его постояннымъ стремленіемъ къ усовершенствованію. Это раздѣленіе труда и ведетъ къ образованію классовъ съ ихъ классовыми психологическими формами личности.

Человѣческая *до-личная особь*, приобретающая національную «физиономію», участвуя въ общемъ трудѣ и усваивая классовую форму психики, постепенно превращается въ *личность*.

Историческое развитіе и усовершенствованіе національных формъ есть процессъ развитія и усовершенствованія личностей со стороны ихъ основного — національно-психологическаго — синтеза. Историческая смѣна классовыхъ формъ есть историческая смѣна общественныхъ типовъ личностей. Рядомъ съ этимъ идетъ усиленіе разнообразія, увеличеніе сложности личности. Два лица, принадлежація къ одной національности, могутъ разниться со стороны классовой формы; принадлежа къ одной національности и имѣя одну и ту же классовую форму, они могутъ различаться со стороны профессиональной формы и т. д. Наконецъ, способъ сочетанія разныхъ формъ между собою и ихъ общее воздѣйствіе на индивидуальное содержаніе личности бываютъ крайне различны и соотвѣтственно приводятъ къ различнымъ результатамъ.

Можно было бы предпринять сравнительное изученіе всѣхъ классовыхъ формъ съ точки зрѣнія ихъ воздѣйствія на индивидуальное содержаніе личности и на то, что я называю ея психологической *скрипюю*. Вопросъ гласилъ бы: какія изъ этихъ

¹⁾ Читатель понимаетъ, что, говоря о дикаряхъ, мы все время имѣемъ въ виду настоящихъ дикарей, а не тѣ полудикія племена, которыхъ можно отнести подъ понятіе „варварства“ и которыя имѣютъ свою „культуру“, политическую организацію, жрецовъ, систему вѣрованій, сложные обычаи и т. д. Таковы, напр., дагомейцы, кафры и др. африканскія племена, также большинство краснокожихъ, — все это не „дикари“, а „варвары“. Настоящіе дикари это, напр., *ведды* (на Цейлонѣ), *акка* (карлики Швейнфурта) и др.

формъ наиболѣе благопріятны для внутренняго усовершенствованія людей и для усиленія цѣльности, связности, душевной гармоніи личности? Такой вопросъ привелъ бы и къ постановкѣ другого: нельзя ли въ исторіи смѣны классовыхъ психологическихъ формъ уловить признаки прогрессивнаго развитія самой личности? Это возвращаетъ насъ къ тому тезису, который мы выставили въ началѣ статьи. Тезисъ гласитъ, что эволюція психики человѣческой еще далеко не закончена, что душа или, лучше, ея синтезъ,—личность современнаго человѣка, въ ея даже наилучшихъ выраженіяхъ,—представляетъ значительныя несовершенства организаціи. Эволюція психики продолжается. Такъ вотъ, говоря объ исторически-смѣняющихся классовыхъ формахъ личности и подымая вопросъ оцѣнки ихъ относительнаго совершенства и психологическаго достоинства, мы и обращаемся вновь къ указанному основному тезису и спрашиваемъ: не есть ли историческая смѣна классовыхъ формъ только частный случай, эпизодъ въ эволюціи психики человѣческой, и, напр., образованіе и расцвѣтъ буржуазной формы—это былъ прогрессъ, шагъ впередъ въ эволюціи личности, а новая форма, грядущая на смѣну буржуазной, будетъ дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи?

Такая постановка вопроса предполагаетъ, что у насъ есть или можетъ найтись положительный критерій для опредѣленія *относительнаго совершенства личности*, какъ синтеза формальныхъ элементовъ съ элементами содержанія психики. Мнѣ кажется, за такимъ критеріемъ ходить не далеко. Очевидно, во-первыхъ,

- 1) что *содержаніе* личности должно быть по возможности совершеннымъ, т. е. состоять изъ всего лучшаго, что до сихъ поръ было выработано цивилизаціей. Цивилизація выработала рядъ высшихъ идей, чувствъ и стремленій: они должны быть въ наличности, такъ чтобы человѣкъ имѣлъ право сказать: я—человѣкъ, и ничто—лучшее—человѣческое мнѣ не чуждо.
- 2) Во-вторыхъ, все худшее человѣческое (и до-человѣческое), все унаслѣдованное отъ болѣе или менѣе дикаго прошлаго и превратившееся въ бодрствующіе или заглохшіе инстинкты, въ ряду которыхъ есть чисто-звѣрскіе, должно быть нейтрализовано, подавлено и пребывать въ скрытомъ состояніи, если ужъ оно не можетъ быть совсѣмъ выброшено изъ души ¹⁾.
- 3) Въ-третьихъ,

¹⁾ Кажется, не можетъ. Законъ сохраненія психическихъ элементовъ еще не установленъ, но, повидимому, дѣло идетъ къ тому.

двѣ души, мыслящая и чувствующая, должны быть по возможности лучше и тѣснѣе скрѣплены и прилажены другъ къ другу, такъ чтобы не было между ними разлада, и чтобы онѣ сливались въ гармоничномъ синтезѣ, если можно такъ выразиться, въ третьей душѣ, которую въ самомъ дѣлѣ «не разрѣжешь, какъ яблоко». Весьма возможно, что въ порядкѣ эволюціонномъ эта «третья душа» и создается, и ея характернымъ признакомъ будетъ могучее развитіе *задерживающей воли*, о какомъ теперь мы, съ нашей слабОВОЛЬНОЙ психикой, и понятія имѣть не можемъ. Эта «третья душа» подымется въ сферу высшую, господствующую надъ мыслью и надъ чувствомъ, въ сферу нравственную.

VIII.

Созданіемъ національныхъ, классовыхъ и прочихъ социальныхъ формъ не исчерпываются тѣ условія и предпосылки, какія выработала цивилизація и которыя служатъ психологическими скрѣпами личности. Есть еще и другія, не менѣе, если не болѣе важныя скрѣпы. Онѣ-то и являются какъ бы предвѣстниками того процесса, который мы только-что назвали созданіемъ «третьей души». Это—особый порядокъ чувствъ, которыя, не взирая на ихъ весьма вѣроятное *соціальное происхождение*, я считаю болѣе правильнымъ выдѣлить въ особую рубрику. Я предлагаю называть эти чувства «*надъ-соціальными*». Разсмотрѣніе этой четвертой рубрики окончательно выяснитъ намъ тотъ критерій, который необходимъ для оцѣнки относительнаго совершенства личности, какъ синтеза психическихъ процессовъ.

Итакъ, 4) *чувства надъ-соціальныя*. Едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ социальномъ происхожденіи, хотя, строго говоря, ихъ генезисъ еще не можетъ считаться окончательно раскрытымъ наукою. Я лично принимаю ихъ социальное происхождение, но думаю, что, разъ возникши въ нѣдрахъ общественности, они, даже въ своемъ элементарномъ видѣ, сразу приобрѣли особое психологическое значеніе и назначеніе, не умѣщающееся въ рамки явленій чисто-социальныхъ. Первыми изъ этой категоріи чувствъ, въ эволюціонномъ порядкѣ, образовались уже въ глубокой древности *чувство религиозное и чувство элементарно-нравственное*. Пусть ихъ социальное

происхожденіе есть вопросъ, еще не рѣшенный, но ихъ крайне узкое, тѣсно-соціальное значеніе на раннихъ ступеняхъ развитія не можетъ подлежать сомнѣнію. У дикарей (тѣхъ, у которыхъ они имѣются) и въ отдаленной древности культурныхъ народовъ они, если можно такъ выразиться, насквозь пропитаны соціальностью и запечатлѣны рѣзкимъ характеромъ общественной утилитарности. Но, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, весьма рано обнаруживаются ихъ *сверхъ-соціальныя* стремленія. Очень скоро (хоть и спорадически, у отдѣльных лицъ) оказывается, что религія и этика мѣтатъ куда-то выше общества и нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ другими чисто-соціальными психическими образованіями. Все болѣе и болѣе сфера ихъ дѣйствія переносится *въ самый центръ личности, въ индивидуальное «я»*. Образуется религиозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ интимное достояніе личности, надъ которымъ общество не властно, и развитіе которыхъ можетъ поднять личность выше общества. По своей психологической природѣ, какъ она довольно рано обнаружилась, религиозное сознаніе (или чувство) и нравственный императивъ представляются психическими образованіями особаго порядка. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они—*не только чувство, но и мысль*. Назвать ихъ простыми ассоціаціями мысли и чувства нельзя: вѣдь ихъ нельзя разложить на мысль и на чувство, какъ это легко дѣлается съ ассоціаціями. Говоря такъ, я имѣю въ виду *не содержаніе* религиознаго сознанія или нравственнаго чувства (напр., вѣра въ Бога по такому-то вѣроученію, нравственное признаніе такого-то правила, напр., «не убій» и т. д.), а самое-то религиозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ форму, бодрствующую въ душѣ человѣка и воспринимающую то или иное исторически данное содержаніе. Такъ вотъ возьмите эту *форму*, эту *категорію* религиозности и этики, и вы увидите, что онѣ—*не разложимы*. Это, говоря фигурально, какъ бы «психическіе атомы» той «третьей души», о которой была рѣчь выше. Но въ то же время мы по опыту знаемъ, что онѣ, *эти формы*, сказываются какъ чувство и проявляются какъ мысль. Никто не будетъ отрицать, что религиозность есть чувство: оно достаточно ярко окрашено, чтобы субъектъ, его имѣющій, не сомнѣвался въ его принадлежности къ душѣ чувствующей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно хоть немного вникнуть въ осо-

бый характеръ этого чувства, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: въ противоположность другимъ чувствамъ, *оно есть сужденіе*. Въ нравственномъ императивѣ этотъ характеръ *сужденія* проявляется еще отчетливѣе: любое движеніе нравственнаго чувства, первый лепетъ *совѣсти есть уже скрытое сужденіе, чуть ли не силлогизмъ*. Это значить, что это не только чувство, но и мысль, и при томъ не «механически» (ассоціативно) связанныя другъ съ другомъ, а такъ, что это—мысль постольку, поскольку чувство, и, наоборотъ,—чувство постольку, поскольку мысль.

Принимая во вниманіе эту двойственность природы религіознаго и этическаго и ихъ неразложимость на мысль, отдѣльную отъ чувства, и чувство, отдѣльное отъ мысли, мы приходимъ къ воззрѣнію на эти психическія образованія, какъ на самыя несомнѣнныя проявленія *настоящаго психическаго синтеза личности*. Какъ ни далека отъ совершенства организація души человѣческой,—въ ней все-таки есть задатки или фактическія доказательства возможности лучшей организаціи, созданія болѣе прочнаго синтеза, сліянія двухъ душъ, мыслящей и чувствующей, въ одну—вышую. Начало этого сліянія уже осуществилось въ двухъ душевныхъ пунктахъ—въ религіозномъ и этическомъ. Оттуда ясно, какое огромное значеніе принадлежитъ религіозному и нравственному прогрессу человѣчества, разсматриваемому съ точки зрѣнія постепеннаго усовершенствованія личности, созданія ея цѣльности и единства.

Выше мы указывали на прогрессъ національности, на историческую смѣну классовыхъ формъ, какъ на процессъ развитія самой личности. Теперь въ религіозномъ и этическомъ узлахъ психики мы находимъ другое орудіе или факторъ того же развитія. И это второе орудіе тѣмъ важнѣе, что оно, создавая и скрѣпляя личность, въ то же время вышаетъ ее надъ чисто-соціальной стихіей и дѣлаетъ чело-вѣка существомъ сверхъ-соціальнымъ, существомъ религіознымъ и нравственнымъ сперва въ возможности, а потомъ и фактически, въ мѣру прогрессивнаго развитія самого содержанія религіи и этики.

Во избѣжаніе недоразумѣній, поясню, что «сверхъ-соціальность» не значить выходъ изъ предѣловъ общественности въ какія-то эмпиреи. Нѣтъ, надъ-соціальныя стороны

человѣка вмѣстѣ съ нимъ остаются въ предѣлахъ общественности (изъ нихъ некуда выйти),—все равно какъ социальное, въ свою очередь, остается въ предѣлахъ біологическихъ, не совпадая съ процессами біологическими, но развиваясь на ихъ основѣ. Находясь въ нѣдрахъ социальности, все надъ-социальное не остается равнодушнымъ зрителемъ общественной эволюціи, но является по-своему могущественнымъ ея двигателемъ. Вѣроятно, такова же роль социальности въ предѣлахъ біологическихъ: силою социального прогресса образовался и продолжаетъ біологически совершенствоваться самый видъ *homo sapiens*.

Въ отличіе отъ другихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинства, религіозное и нравственное чувства являются процессами, сберегающими и накапливающими психическую силу. И съ этой стороны они еще явственнѣе выступаютъ въ роли дѣйствующихъ факторовъ прогресса общественности. Въ томъ, что они, подобно мысли, сберегаютъ и накапливаютъ душевную силу,—въ этомъ не трудно убѣдиться изъ наблюденій надъ укрѣпляющимъ, оздоравливающимъ дѣйствіемъ религіознаго сознанія и нравственнаго императива на всю психику. При этомъ поучительны психопатологическіе случаи ихъ исчезновенія или извращенія. Какъ причастныя мышленію, какъ своеобразныя чувства-сужденія, они обобщаютъ, подводятъ подъ опредѣленные нормы все разнообразіе отношеній человѣка къ человѣку и къ божеству (или космосу), на подобіе того, какъ обобщающіе процессы мысли (понятія, идеи), упорядочиваютъ и упрощаютъ разнообразіе и безконечное множество конкретныхъ представленій.

Эта сторона — сбереженіе и накопленіе психическихъ силъ — явственно сказывается въ томъ, что религіозное сознаніе и нравственный императивъ выступаютъ въ исторіи человѣчества какъ силы *творческія*. А во всемъ психическомъ *творчество* можетъ быть только тамъ, гдѣ есть *сбереженіе силы*. Вспомнимъ великія всемірно-историческія религіозныя движенія, вспомнимъ великія этические доктрины: какъ много душевныхъ силъ освободилось въ нихъ и выступило какъ дѣятельный факторъ прогресса. Это значитъ, что въ порядкѣ религіозной и нравственной эволюціи вѣками накопился огромный запасъ силъ. Накопленіе предшествуетъ освобожденію, и само творчество, какъ освобожденіе связан-

ной силы, не есть растрата накопленного и всегда ведетъ къ новому накопленію, которое обнаружится раньше или позже.

IX.

9.

Нѣсколько поясненій, относящихся къ психологической природѣ религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, какъ я ее понимаю, будутъ здѣсь нелишними.

Обыкновенно принято думать, что гдѣ есть человѣкъ, хотя бы и самый дикій, тамъ уже есть и религіозное сознаніе, по крайней мѣрѣ въ его начаткахъ. Мнѣ кажется, это—ошибка, происшедшая оттого, что изслѣдователи невольно приписываютъ дикарю позднѣйшія психическія образованія, которыхъ, въ сущности, онъ не имѣетъ. Когда ученые, собирая и сопоставляя отдѣльныя черты такъ называемыхъ «вѣрованій» дикаря, возстановляютъ или сооружаютъ изъ нихъ цѣльное «миѳологическое міровоззрѣніе», то они, сами того не замѣчая, впадаютъ въ миѳологическое творчество: они великодушно берутъ на себя трудъ созданія «миѳовъ» и «вѣроученій», *котораго дикарь не продолжалъ и продолжать не можетъ*. И если бы такое «міровоззрѣніе» предъявили дикарю, то онъ бы его не понялъ и не узналъ бы въ немъ своихъ представленій и вѣрованій. Онъ не имѣетъ системы миѳологическихъ воззрѣній. Для созданія системы, необходимо извѣстное развитіе мысли, какого у дикаря нѣтъ. Наиболѣе примитивныя миѳологическія воззрѣнія, каковы анимизмъ, тотемизмъ, фетишизмъ, едва-ли могутъ быть названы системою міровоззрѣнія, и уже навѣрно нельзя ихъ назвать религіозными вѣроученіями. *Это—не религія*, это только матеріалъ для будущаго религіознаго міровоззрѣнія, которое, при благопріятныхъ условіяхъ (у народа прогрессирующаго), можетъ развиваться оттуда, но у настоящихъ дикарей фактически не развилось. Зачатки миѳологической системы найдутся только у племенъ, уже перешедшихъ отъ дикости къ варварству. Анимистическія и фетишистическія представленія дикаря, въ ихъ грубѣйшемъ видѣ, это—только продукты его способа воспринимать и ассоціировать впечатлѣнія. Это—формы его мышленія, которое еще не возвысилось до степени логическаго и остается еще психологическимъ и не-

развитымъ грамматическимъ. Съ такими «языками», какими располагають дикари, нельзя не только обобщать и строить системы, но и вообще мыслить элементарно-логически. Это—мышленіе, окрашенное чувствами, аффектами и воспріятіями волевыхъ движеній и потому приписывающее всѣмъ вещамъ одушевленность, чувство, волю. Фетишизмъ и анимизмъ—это только совокупность *обыденныхъ сужденій* дикаря, въ которыхъ не видать сколько-нибудь ясно выраженныхъ категорій религіозности и нравственности.

Только на извѣстной высотѣ мышленія, обусловленной прежде всего развитіемъ языка, открывается возможность объединенія, систематизаціи представленій, переработанныхъ въ *понятія*, и это—уже *творчество* и *логика*, къ которымъ дикарь психологически и лингвистически неспособенъ. Настоящая міѳологія, какъ система воззрѣній, какъ архаическая философія, и одновременно съ нею зачатки религіознаго сознанія возникаютъ вмѣстѣ съ творчествомъ и логикою мысли. Это—продукты высшаго, а не обыденнаго мышленія. Преданія, приурочивающія великія религіозныя системы къ великимъ именамъ, заключаютъ въ себѣ зерно великой правды. Религіозныя системы древности (у семитовъ и индоевропейцевъ это особливо ясно) только своимъ міѳологическимъ матеріаломъ принадлежать коллективному творчеству, дѣйствовавшему въ теченіе долгихъ вѣковъ; но объединеніе этого матеріала въ систему, одухотвореніе его религіозной идеей, созданіе вѣроученія и догмы—все это столь же мало могло быть дѣломъ коллективнаго творчества массъ, какъ и первыя завоеванія науки, напр., открытіе Пифагоровой теоремы. Какъ въ философіи и наукѣ, такъ и въ религіяхъ мы имѣемъ результаты многовѣковой умственной дѣятельности не массъ, а представителей высшей мысли, съ ихъ школами, направленіями, борьбою мнѣній и ученій, наконецъ съ проявленіями таланта и геніальности.

Въ глубокой древности, когда у культурныхъ народовъ впервые возникали основы первобытныхъ религій, *религіозное чувство* было *почувствовано* лишь немногими,—личностями исключительно одаренными. Если можно такъ выразиться, это было въ своемъ родѣ «открытіе», только въ сферѣ чувствъ. И, конечно, оно должно быть отнесено къ числу величайшихъ завоеваній человѣческаго генія. Впослѣдствіи,

послѣ долгой и упорной работы мысли и упражненія чувства, въ теченіе ряда вѣковъ, были въ этой области сдѣланы новыя великія открытія и новыя завоеванія еврейскими пророками и индійскими мудрецами.) Тогда окончательно выяснилась природа религіознаго чувства, его психологическій составъ, который у первыхъ творцовъ религіи былъ, конечно, еще смутнымъ и темнымъ. Въ своемъ развитомъ видѣ религіозное чувство являетъ двѣ стороны, два стремленія: *стремленіе къ космическому* (идея и чувство связи человѣческаго я съ божествомъ, съ космосомъ) и *стремленіе къ человѣческому* (сознаніе человѣчности, какъ антитезы божественному, космическому, и самый культъ, какъ религіозное учрежденіе, построенное и развиваемое въ интересахъ человѣчества).

Зачатіе въ душѣ человѣческой этихъ двухъ тягъ—космической и человѣческой—было огромнымъ шагомъ впередъ: возникъ узелъ, связующій мысль съ чувствомъ, явилось начало, объединяющее души, и вмѣстѣ съ тѣмъ началась новая высшая работа и мысли, и чувства, невѣдомая дикарю. Мысль о божествѣ, хотя бы и грубая, есть уже умственный трудъ, ведущій къ упорядоченію представленій и нечувствительно, шагъ за шагомъ, толкающій впередъ—къ постановкѣ вопросовъ: какъ, почему, откуда, зачѣмъ и т. д. въ отношеніи явленій природы, а также и фактовъ человѣческой жизни. Поэтому такъ рано, уже въ глубокой древности, выступаютъ наружу натуръ-философскія, космогоническія, этическія идеи религій. Какъ систематизирующій и обобщающій трудъ мысли, это былъ процессъ накопленія и сбереженія силъ. Но съ нимъ былъ неразрывно связанъ особый порядокъ чувствъ—религіозныхъ. Въ своемъ болѣе архаическомъ видѣ, этотъ порядокъ сводился (насколько мы можемъ судить по даннымъ древнѣйшей исторіи религіи) къ немногимъ основнымъ чувствамъ, въ ряду которыхъ особенно замѣтно *чувство близости* къ божеству, родъ самоувѣренности, основанной на убѣжденіи, что человѣкъ владѣетъ своимъ божествомъ, дѣйствуя на него магическою силою молитвъ и заклинаній. Весьма правдоподобно, что далекіе, дорелигіозные корни этого своеобразнаго чувства скрываются въ первобытномъ «фетишизмѣ» ¹⁾. Рели-

¹⁾ Это понятіе „первобытнаго фетишизма“ нужно отличать отъ позднѣйшей и искаженной формы его, которую мы находимъ у современныхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ.

гіозная работа мысли облагородила это чувство, и оно, сочетаясь съ другими (умиле́ніе, благодарность, страхъ, почтене́), съ теченіемъ времени совсѣмъ ступе́валось, чему, конечно, много способствовало постепенное удале́ніе божества отъ челове́ка. Божественное отъ явленій близкихъ, доступныхъ челове́ку (огонь, окружающая природа—горы, долины, рѣки, ручьи, камни, деревья и т. д.) переносилось на болѣе отдаленныя, на небеса, вселялось въ солнце, звѣзды, луну; потомъ, постепенно отдѣляясь отъ явленій, таинственно скрывалось за кулисами природы, незримо ею управляя; потомъ само обобщаясь и объединяясь, все дальше отходило отъ природы, все рѣшительнѣе освобождалось отъ матеріальныхъ атрибутовъ, все болѣе одухотворялось и, наконецъ, исчезало въ пространствахъ космическихъ. Въ мѣру этой эволюціи идеи совершалась и эволюція религіознаго чувства: челове́къ становился благоговѣйнѣе и смиреннѣе, и его молитва уже давно перестала быть заклинаніемъ,—она стала просьбою, поклоненіемъ, изліяніемъ души, исповѣданіемъ. Перенесеніе божественнаго изъ ближайшей обстановки въ среду космическую, вмѣстѣ съ его объединеніемъ и одухотвореніемъ, означало переработку религіознаго чувства изъ узко-утилитарнаго и наивнаго въ идеальное, высшее, мистическое. Это не могло не отразиться и на другой тягѣ религіи—человѣческой: отъ узкой практики культа божествъ природы и культа предковъ народы переходятъ къ всемірнымъ религіямъ, въ которыхъ мѣстный и національный характеръ религіи вытѣсняется международнымъ, общечеловѣческимъ.

Идея человечества впервые возникла (именно у еврейскихъ пророковъ) на почвѣ религіознаго чувства и сознанія.

Въ дальнѣйшемъ развитіи, на новыхъ путяхъ познанія и творчества, двѣ тяги, двѣ половины религіозности, выдѣляясь въ особыя дѣятельности мысли, *преобразовались одна—космическая—въ метафизику и науку, другая—человѣческая—въ искусство.*

Въ своемъ историческомъ развитіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, метафизика, научная философія и сама положительная наука пронесли черезъ вѣка скрытую, тайную искру религіозности. Въ нихъ космическія стремленія человѣчества находятъ себѣ высшее выраженіе. Въ нихъ чувство мистичности сущаго растеть и крѣпнеть, преобразуясь въ

новое душевное явленіе или движеніе, явственно обозначившееся только въ сравнительно недавнее время. Оно свойственно великимъ мыслителямъ и ученымъ и ближайше связывается съ *идеей безконечнаго*, которая служить необходимымъ психологическимъ и логическимъ основаніемъ какъ метафизическаго, такъ и научно-философскаго, а равно и специально-научнаго познанія.

Съ своей стороны и искусство пронесло черезъ вѣка тайную искру религіозности, которая въ немъ дана въ формѣ этической, потому что искусство есть выраженіе не космическихъ, а человѣческихъ стремленій.

Это приводитъ насъ къ поясненію того понятія о сверх-соціальности нравственности, которое мы намѣтили выше. Къ сказанному тамъ добавимъ, что, по нашему разумѣнію, *нравственный императивъ*, имѣвшій происхожденіе чисто-соціальное, превратился въ нѣчто, возвышающееся надъ общественностью, именно благодаря тому, что уже въ глубокой древности онъ былъ переработанъ религіознымъ чувствомъ. Мы уже говорили, что на раннихъ ступеняхъ религіозной мысли божества стоятъ очень близко къ человѣку; они, можно сказать, живутъ вмѣстѣ съ людьми, составляя одно общество съ ними. Въ этомъ симбіозѣ людей и божествъ «нравственные» обязательства, вытекающія изъ общественныхъ отношеній и еще не отдѣлившіяся отъ правовыхъ, еще не превратившіяся въ *чистую этику*, существуютъ и практикуются не только между людьми, но и между людьми и богами. По мѣрѣ удаленія божествъ, о которомъ была рѣчь выше, нравственные обязательства между людьми и богами понемногу обособляются отъ таковыхъ же междучеловѣческихъ, развиваясь въ особую вѣтвь соціальной этики. Когда божества уйдутъ далеко, когда они перестанутъ быть членами общества человѣческаго, соціальный характеръ этихъ обязательствъ между людьми и богами поблекнетъ; вмѣстѣ съ богами уйдетъ изъ общества и этика, окончательно отдѣлившись отъ права, которое останется въ обществѣ. Въ отношеніяхъ человѣка къ божеству все явственнѣе будетъ проявляться чувство и сознаніе *должнаго*, понимаемаго не какъ норма соціального принужденія, а какъ норма божественнаго велѣнія. Переработанное, воспитанное религіозной мыслью и религіозной тягой къ человѣчеству, это чувство и сознаніе *должнаго* станетъ сверх-соціальнымъ и личнымъ

человѣческимъ по преимуществу. Оно превратится въ родъ «внутренняго голоса», въ психическую категорію, въ душевный регуляторъ, вѣчно бодрствующій, всегда наготовѣ, котораго обязанность—оцѣнивать поступки, помыслы, хотѣнія, страсти и т. д. съ особой точки зрѣнія, не юридической, не утилитарной, вообще не соціальной, а съ какой-то другой, соединяемой человѣкомъ съ понятіемъ «совѣсти»... Голосъ совѣсти говорить: ты долженъ поступать такъ-то и воздерживаться отъ такихъ-то поступковъ не потому, что это полезно или нужно кому бы то ни было,—тебѣ, другимъ, обществу, государству,—а потому только, что я, совѣсть, этого требую. Такое самоуправство, такой деспотизмъ совѣсти свидѣлствуютъ прежде всего о томъ, что она—*инстинктъ*. И въ этомъ отношеніи она является деспотомъ не больше, чѣмъ другіе инстинкты, напр., половой. Но она по существу отличается отъ другихъ тѣмъ, что она отнюдь не *слѣпа*, не *ирраціональна*, какъ другіе: это—единственный *умный, сознательный, раціональный* инстинктъ, который знаетъ, какой высшей цѣли онъ служить, для чего властвуетъ, во имя чего одобряетъ, порицаетъ, терзаетъ человѣка. Совѣсть ясно даетъ понять, что она стремится къ тому, чтобы человѣкъ былъ *личность*, а не только особь, и, поверхъ всякихъ группъ, въ которыя онъ входитъ, становится участникомъ чистой человѣчности. Въ мірѣ соціальныхъ узъ, въ группѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, человѣкъ вступаетъ въ сложную сеть отношеній, гдѣ онъ то служитъ средствомъ для другихъ, то самъ пользуется другими, какъ средствомъ. Эти отношенія могутъ быть полезныя, необходимыя, безразличныя для однихъ, вредныя для другихъ, полезныя для цѣлаго, тяжелыя для отдѣльныхъ лицъ и т. д. Но каковы бы они ни были, въ лучшемъ случаѣ они *не нравственны*. Но *поверхъ соціальности* завязаны иныя отношенія человѣка къ человѣку, опредѣляемыя формулою: *человѣкъ человѣку долженъ быть не средство, а цѣль*. Эта формула и есть *нравственный законъ*. Это то, чего хочетъ совѣсть. *Хотѣнія и стремленія совѣсти, накопляясь вѣками, образуютъ этическое достояніе народовъ*. Это достояніе есть, безспорно, психическая сила огромной энергіи; важная особенность этой силы, сближающая ее съ мыслью, состоитъ въ томъ, что, дѣйствуя, она не только не тратится, а еще увеличивается, все болѣе накапливается. Мысль и совѣсть могутъ

истощиться отнюдь не отъ упражненія, не отъ дѣятельности, а только отъ неупражненія, отъ бездѣйствія ¹⁾. Сила нравственнаго чувства, разъ прибрѣтенная людьми, достается послѣдующимъ поколѣніямъ даромъ—въ формѣ инстинкта.

Дѣятельность совѣсти кладетъ основаніе *особому, сверхъ-соціальному союзу людей, не опредѣляемому ни экономіей, ни правомъ,—идеальному нравственному союзу*. Крайне медленно осуществляется онъ на дѣлѣ, даже въ предѣлахъ цивилизованнаго міра, не говоря уже объ отношеніяхъ культурнаго человѣка къ варвару и дикарю, которые нерѣдко трактуются первымъ, какъ животныя, а не люди.

(Нравственный союзъ всего человѣчества—не утопія и уже фактически существуетъ въ лицѣ тѣхъ, правда, весьма немногочисленныхъ представителей человѣчества, у которыхъ нравственное чувство достигло наибольшаго развитія. Осуществленіе этого союза на дѣлѣ, т. е. такъ, чтобы онъ могъ замѣтно вліять на поведеніе, на нравственныя отношенія всѣхъ людей, зависитъ отъ привлеченія къ нему возможно большаго числа адептовъ. Онъ осуществится на дѣлѣ и явится гарантіей, напр., международнаго мира и права только тогда, когда въ него войдутъ цѣлые народы, наиболѣе цивилизованные и вліятельные. Единственный путь къ этому—развитіе и распространеніе нравственнаго сознанія.

Въ ряду дѣятельностей, воспитывающихъ и распространяющихъ нравственное чувство вмѣстѣ съ идеей человѣчности, особо важное мѣсто принадлежит *искусству*.

¹⁾ Другое дѣло—чрезмѣрная умственная дѣятельность, ведущая къ *переутомленію*. Кромѣ случаевъ школьнаго переутомленія, мы видимъ, что въ жизни цивилизованныхъ народовъ (преимущественно въ большихъ центрахъ, какъ Парижъ, Лондонъ и др.) замѣчаются явленія умственного переутомленія, легко объяснимыя крайнимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, вызываемымъ *конкуренціей*. Психологически умственное утомленіе сводится къ перевѣсу работы сознанія надъ работой въ сферѣ безсознательной. Поэтому оно болѣе свойственно дѣятельности *изученія, усвоенія, а также обученія, преподаванія*, чѣмъ дѣятельности творческой. Добросовѣстный ученикъ и таковой же учитель *нижней и средней школы, по самой природѣ умственной работы, переутомляются скорѣе, чѣмъ Дарвины и Канты*. Существуетъ ли *нравственное переутомленіе*?

О значеніи научнаго языкознанія для психологіи мысли ¹⁾).

Въ ряду великихъ научно-философскихъ проблемъ, которыхъ постановка и предварительное разслѣдованіе составляютъ заслугу второй половины истекшаго вѣка, видное мѣсто принадлежитъ проблемѣ о происхожденіи и психологической природѣ *разума человеческого*, объ историческихъ путяхъ его развитія, о его познавательныхъ силахъ, о границахъ этихъ силъ, наконецъ, о его высшемъ назначеніи, его великомъ призваніи на всемірноисторическомъ поприщѣ безконечнаго развитія и совершенствованія человѣчества.

Возникновеніе этой великой проблемы было естественнымъ, исторически необходимымъ слѣдствіемъ разработки всѣхъ тѣхъ областей знанія, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе, прямое или косвенное, близкое или отдаленное, къ разуму человѣческому, къ психологіи и исторіи познающей мысли. Физиологія нервной системы и мозга, психо-физиологія, психопатологія, психологія процессовъ мышленія, логика, теорія познания, далѣе, науки филологическія и историческія, въ ряду которыхъ въ данномъ случаѣ на первый планъ выступаетъ исторія наукъ, философіи и художественнаго творчества, — всѣ эти области знанія, по мѣрѣ ихъ разработки, сами совершенствуясь, незамѣтно приводятъ къ постановкѣ проблемы разума и доставляютъ ей необходимыя предпосылки въ формѣ фактическаго матеріала и основныхъ научно-философскихъ понятій.

Моя задача въ настоящей рѣчи состоитъ въ томъ, чтобы

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Харьковскаго университета 17 января 1901 г.

обратить ваше вниманіе на особливо-важное значеніе, на исключительное призваніе—въ дѣлѣ дальнѣйшей разработки проблемы разума—той изъ филологическихъ наукъ, которая изслѣдуетъ основной фундаментъ мышленія человѣческаго. Этотъ фундаментъ есть языкъ, рѣчь человѣческая, явленія такъ называемаго грамматическаго мышленія. Моя задача, стало быть, сводится къ указанію на тотъ вкладъ, на который проблема разума можетъ разсчитывать со стороны лингвистики, т. е. науки о языкѣ.

Наука о языкѣ, лингвистика, есть одно изъ славныхъ созданій истекшаго XIX-го вѣка.

Основанная еще въ первой четверти вѣка тремя геніальными умами—*Францомъ Боппомъ, Яковомъ Гриммомъ и Вильгельмомъ Гумбольдтомъ*, эта наука въ послѣдней его четверти достигла высокой степени совершенства въ разработкѣ фонетической и морфологической стороны индоевропейскихъ языковъ. Въ области этихъ языковъ до сихъ поръ сосредоточивались изысканія лингвистовъ, и лингвистика, какъ наука, имѣющая право на названіе точной, представлена пока только сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ вообще и историческими изысканіями въ области отдѣльныхъ, болѣе тѣсныхъ, группъ (германской, славянской, романской и др.), входящихъ въ эту обширную семью.

На пути этихъ изслѣдованій, обращенныхъ преимущественно на звуковую форму словъ, сами собою выяснились основныя понятія о томъ, что такое языкъ, какъ явленіе, какова его природа, что такое слово съ его звуковой и грамматической формами, съ его лексическимъ значеніемъ. Глубокое и философски-последовательное развитіе и обоснованіе этихъ понятій принадлежитъ покойному проф. Харьк. универс. *А. А. Потебнѣ*.

Для нашей настоящей задачи необходимо усвоить важнѣйшія изъ этихъ понятій. Мы начнемъ вопросомъ: что такое слово?

Есть одно весьма распространенное недоразумѣніе, встрѣчавшееся даже въ ученыхъ трудахъ: это именно тотъ взглядъ, въ силу котораго языкъ, противопоставляемый мысли, понимается исключительно, какъ средство ея передачи, какъ орудіе общенія. По этому ошибочному воззрѣнію, слово есть только внѣшняя, звуковая оболочка представленія и понятія; оно—

не болѣе какъ знакъ или символъ, служащій для выраженія и передачи другимъ того, что происходитъ въ умѣ человѣка. Такъ, напр. представленія или понятія *дома, дерева, человека, животного, добра, зла* и т. д. противопоставляются звуковымъ сочетаніямъ, образующимъ эти слова, и *словами* признаются эти звуковыя сочетанія, а не связанныя съ ними представленія и понятія. Классическимъ выраженіемъ этого взгляда можетъ служить извѣстное мѣсто въ «Фаустѣ» Гёте, именно саркастическія слова Мефистофеля: *wo die Begriffe fehlen, da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein*—«гдѣ отсутствуютъ понятія, тамъ какъ разъ во-время подвертывается слово». Begriff (понятіе) это—подлинный и содержательный актъ мысли; Wort (слово) это—только звукъ, имѣющій смыслъ какъ средство обозначенія понятій; слово понимается какъ звуковой символъ даннаго процесса мысли; за отсутствіемъ этого процесса мысли, за отсутствіемъ понятія, слово утрачиваетъ всякій смыслъ и становится звукомъ пустымъ, безсодержательнымъ. И однако же, по рассматриваемому ошибочному воззрѣнію на языкъ, такой пустой звукъ, лишенный содержанія, остается словомъ.

Коренная ошибка этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что оно отождествляетъ слово съ тѣми членораздѣльными звуками, которые образуютъ лишь часть слова, именно—его *вышнюю, звуковую форму*. Здѣсь, слѣдовательно, часть берется вмѣсто цѣлаго, но только не для обозначенія цѣлаго (какъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ типа *pars pro toto*), а для того, чтобы, забывъ о другихъ частяхъ, ошибочно выдавать избранную часть за цѣлое. Для наглядности приведу, какъ примѣръ, ошибочное пониманіе какого-нибудь выраженія типа *pars pro toto* (часть вмѣсто цѣлаго), хотя бы такой: слово *голова* употребляется для обозначенія цѣлаго животнаго, напр., 100 головъ рогатаго скота и т. п. Такъ вотъ представимъ себѣ, что кто-нибудь вообразилъ, будто тутъ голова противопоставляется остальному туловищу, и что дѣло идетъ о 100 головахъ, отдѣленныхъ отъ туловища. Вотъ именно въ подобную ошибку впадаютъ тѣ, которые подъ *словомъ* понимаютъ только звуковую форму, отдѣляя ее отъ другихъ частей слова и противопоставляя слово его части, т. е. тому представленію и понятію, которое образуетъ его неотъемлемую часть и называется его *лексическимъ значеніемъ*. Эта столь распространенная ошибка

имѣть свои психологическія основанія, которыя ее не оправдываютъ, а только объясняютъ. Я укажу на нихъ въ дальнѣйшемъ.

Прежде всего намъ нужно уяснить себѣ самое понятіе слова. Говоря такъ, я имѣю въ виду понятіе научное, которое сразу не поддается опредѣленію и требуетъ нѣкоторыхъ соображеній, извѣстнаго проникновенія въ природу явленія, именуемаго *языкомъ* или *рѣчью*. Коренное различіе между *обыденнымъ* и *научнымъ* понятіемъ слова сводится къ слѣдующему. Съ обыденной точки зрѣнія, для осуществленія слова нужна только наличность членораздѣльных звуковъ, которые что-либо обозначаютъ. Поэтому, напр., слово «домъ», произнесенное, скажемъ, попугаемъ или фонографомъ, будетъ признано—въ обыденномъ нашемъ мышленіи—настоящимъ словомъ, не хуже того, которое произноситъ человѣкъ. Съ научной точки зрѣнія, это не совсѣмъ такъ,—а именно: произнесенное фонографомъ или попугаемъ слово «домъ» будетъ подлиннымъ словомъ, т. е. актомъ рѣчи-мысли, только у того человѣка, который услышалъ это слово; у попугая и у фонографа оно совсѣмъ не слово, не актъ рѣчи-мысли. Этотъ примѣръ указываетъ на тѣ предпосылки, которыя необходимы для осуществленія слова. Эти предпосылки суть: 1) живой человѣческій организмъ съ его физіологическими условіями членораздѣльности рѣчи и соотвѣтственными данными нервной системы и мозга; 2) человѣческая психика съ характернымъ для нея развитіемъ умственной сферы, къ которой и принадлежитъ языкъ. Гдѣ нѣтъ этихъ предпосылокъ, тамъ нѣтъ и слова. Далѣе, вникая въ природу явленія, именуемаго *языкомъ*, мы убѣждаемся въ *психичности* этого явленія. Первое, что бросается въ глаза, это—безусловная необходимость *субъекта*, для котораго членораздѣльныя движенія органовъ рѣчи (языка, губъ и т. д.) сочетались бы съ звуковыми эффектами, производимыми этими движеніями; иначе говоря, здѣсь необходима та сфера психики, которая, какъ извѣстно, складывается изъ *сознанія* съ его *порогомъ* и изъ обширной области *безсознательнаго*, гдѣ совершаются многочисленные акты мысли, и гдѣ сохраняются психическія ассоціаціи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя образуютъ языкъ. Изъ этихъ послѣднихъ я только-что указалъ на ассоціацію артикуляціонныхъ движеній съ соотвѣтствующими звуковыми эффектами. Но

этимъ дѣло не ограничивается. Эта психическая группа (артикуляціонно-звуковая) сочетается съ умственными актами, извѣстными подъ именемъ представленій и понятій. Возникаетъ новая ассоціація: артикуляція (напр., та, которая нужна для произнесенія слова «домъ») + звуковой (акустическій) эффектъ (самые звуки даннаго слова) + представленія разныхъ домовъ и общее понятіе о домѣ. Эта ассоціація должна быть дана не только въ сознаніи, но и въ средѣ безсознательной, гдѣ она, подобно другимъ, скрыто пребываетъ и всегда готова къ услугамъ мысли. Иначе говоря, рассматриваемый процессъ подчиняется законамъ памяти, т. е. законамъ сохраненія приобрѣтенныхъ ассоціацій въ сферѣ безсознательной и ихъ постояннаго перехода въ сознаніе. Но и этимъ дѣло не ограничивается. Для осуществленія слова необходима наличность въ мысли готовыхъ категорій, по которымъ различаются и классифицируются представленія, при чемъ одни изъ нихъ подводятся подъ категорію вещи, другія подъ категорію качества, третьи—дѣйствія и т. д. Иначе говоря, та сложная ассоціація изъ артикуляціи, звука и представленія или понятія подвергается особой психической переработкѣ, дающей ей опредѣленное мѣсто въ наличномъ инвентарѣ нашего умственнаго достоянія. Психологическій характеръ этой переработки достаточно ясенъ: онъ сводится къ подведенію болѣе частнаго (напр., представленія или понятія «домъ») подъ болѣе общее (категорія вещи). Психологъ скажетъ намъ, что это — актъ *апперцепціи*: представленіе или понятіе дома апперцепировано категоріей вещи. Этотъ родъ апперцепціи извѣстенъ подъ именемъ *грамматической*, и психическія явленія или, точнѣе, умственные акты, на немъ основанные, имѣютъ въ наукѣ о языкѣ свои техническіе термины, ихъ обозначающіе, какъ-то «имя существительное», «имя прилагательное», «глаголь», и т. д.

Итакъ, что такое *слово*? Слово есть сложный психическій процессъ, принадлежащій къ тому отдѣлу психики, который называется *мыслью*, и сводящійся къ извѣстнымъ процессамъ *ассоціаціи* и *апперцепціи*. Фонографъ этихъ процессовъ, конечно, не имѣетъ, ибо не имѣетъ психики, и потому слова, имъ произносимыя, не суть слова—у него; но они превращаются въ настоящія слова у человѣка, который слышитъ ихъ, и у котораго звуки фонографа вызываютъ соотвѣтственные

процессы ассоціаціи и апперцепціи. У попугая нѣтъ слова потому, что, по условіямъ его психики, все дѣло ограничивается у него артикуляціонно-звуковой ассоціаціей, которая, какъ мы видѣли, сама по себѣ еще не составляетъ слова.

Опредѣленіе слова, только-что сдѣланное мною, не можетъ считаться окончательнымъ. Дѣло въ томъ, что въ нашей психикѣ весьма много всевозможныхъ процессовъ, подводимыхъ подъ общія понятія ассоціаціи и апперцепціи. Необходимо точнѣе опредѣлить характеръ тѣхъ изъ нихъ, которыя образуютъ слово. Чтобы это сдѣлать, нужно сперва стать на слѣдующую точку зрѣнія, которая въ современной психологіи играетъ весьма важную роль. Все психическое должно быть понимаемо не какъ *состояніе*, а какъ *дѣйствіе*. Психика активна, а не пассивна. Жизнь духа есть психическій трудъ, это—*работа мысли, чувства и воли*. Оставляя въ сторонѣ чувство и волю и имѣя въ виду только мысль, мы скажемъ, что психическая работа мысли ярко отмѣчена слѣдующимъ важнымъ признакомъ: она работаетъ двояко: 1) *тратя силу* и 2) *сберегая силу*. Есть такіе процессы мысли, которые, работая, тратятъ извѣстный запасъ психической силы, и есть другіе, которые, не переставая работать, напротивъ, не тратятъ, а сберегаютъ и накапливаютъ силу; найдутся, наконецъ, и такіе, которые одновременно и тратятъ и сберегаютъ.

Постараемся уяснить себѣ, какіе именно процессы мысли должны быть признаны по преимуществу сберегающими силу. Это прежде всего *тѣ, которые протекаютъ въ сферѣ безсознательной*. Взглядъ на безсознательную сферу, какъ на огромную арену сбереженія и накопленія умственной силы, принадлежитъ къ числу плодотворнѣйшихъ воззрѣній въ современной психологіи. Что въ этой сферѣ происходитъ весьма значительная работа мысли, отъ простѣйшихъ ассоціацій до настоящихъ умозаключеній, что здѣсь осуществляются — въ большихъ умахъ — сложныя интуиціи научныя, философскія и художественныя, наконецъ, — у геніевъ — здѣсь же вырабатываются великія творческія идеи, — въ этомъ не можетъ быть, послѣ всего, что мы знаемъ изъ психологіи и исторіи мысли, ни малѣйшаго сомнѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что эта работа, совершающаяся безсознательно, является не тратой силы, а сбереженіемъ. Эта работа, малая ли она или большая, обыденная или творческая,

осуществляется самопроизвольно, можно сказать — автоматически и не приковываетъ къ себѣ вниманія. Симптомомъ и мѣриломъ траты служить именно вниманіе — психическій актъ высокой важности и огромнаго значенія; какъ извѣстно, онъ составляетъ принадлежность сферы сознанія. Всѣ мы съ малыхъ лѣтъ знаемъ по личному внутреннему опыту, что вниманіе есть работа мысли, сводящаяся къ удержанію въ сознаніи тѣхъ представлений, понятій и другихъ процессовъ мысли, которые совершаются въ нашемъ умѣ. И эта работа можетъ быть весьма утомительной. Степень утомленія свидѣтельствуетъ о размѣрахъ траты. Мнѣ кажется, можно было бы установить такое положеніе: количество работы сознанія опредѣляется напряженностью вниманія и степенью утомленія. Очевидно, такое положеніе рѣшительно не применимо къ сферѣ безсознательной. Для опредѣленія количества (а также и качества) работы, въ ней совершающейся, нужно подыскать другое мѣрило. Такимъ мѣриломъ слѣдуетъ признать тотъ вкладъ, который сфера безсознательная вноситъ въ сознаніе. Если этотъ вкладъ изобилуетъ апріорными категоріями и общими идеями, какъ формами мысли, силою которыхъ сразу объединяется, объясняется, упорядочивается матеріалъ, данный въ сознаніи, то работа безсознательной сферы должна быть признана весьма значительной и цѣнной. Если, напротивъ, этотъ вкладъ бѣденъ категоріями, скуденъ общими формами мысли, и сознаніе не получаетъ оттуда объединяющихъ, упорядочивающихъ нормъ, то работа безсознательной сферы должна быть признана незначительной, непроизводительной, — и ея цѣнность будетъ ничтожна. Предлагаемое мѣрило легко подводится подъ понятіе сбереженія и освобожденія силы. Работа мысли въ сферѣ безсознательной сберегаетъ и накапливаетъ умственную силу. Объ этой дѣятельности, протекающей безсознательно, мы, разумѣется, можемъ судить только по тѣмъ ея результатамъ, которые проявляются въ сознаніи. Разъ эти результаты проявились въ сознаніи, это значитъ, что накопленная сила освободилась для новой дѣятельности, которая теперь переносится въ сознаніе. И съ этого момента мы уже можемъ судить о количествѣ и качествѣ освобожденной силы. Тутъ къ нашимъ услугамъ вышеуказанное мѣрило, основанное на симптомѣ вниманія. Если освобожденная сила проявилась въ

формѣ, напр., какого-нибудь общаго сужденія, которое легко прилагается ко множеству фактовъ, быстро и хорошо объединяетъ ихъ и упорядочиваетъ, а само поглощаетъ очень мало вниманія, дѣйствуя и тутъ, въ сознаніи, почти автоматически, то эта освобожденная сила должна быть признана значительной и цѣнной и свидѣтельствуетъ о таковой же значительности и цѣнности работы безсознательной.

Такова именно психологическая роль языка въ экономіи нашего мышленія. Постараемся опредѣлить ее точнѣе и обстоятельнѣе.

Я уже говорилъ о составныхъ частяхъ слова, т. е. о тѣхъ психическихъ процессахъ, которые, образуя тѣсную психическую ассоціацію, проявляются въ сознаніи, какъ *слово*. Вотъ теперь и возникаетъ вопросъ: какимъ изъ этихъ процессовъ по преимуществу слово проявляется въ сознаніи, и въ какихъ отношеніяхъ всѣ они стоятъ къ сферѣ безсознательной?

Когда мы говоримъ или мыслимъ, мы держимъ въ свѣтлой точкѣ сознанія только *значеніе* словъ. Указывая на этотъ общеизвѣстный фактъ, я упрощаю задачу: кромѣ значенія словъ, есть въ языкѣ и еще нѣчто, чтó занимаетъ поле сознанія въ актѣ мышленія. Но объ этомъ мы поведемъ рѣчь въ дальнѣйшемъ, а теперь представимъ себѣ, что въ актѣ рѣчи-мысли участвуютъ только тѣ части слова, о которыхъ мы говорили. Изъ нихъ, дѣйствительно, только значеніе, такъ называемое *матеріальное содержаніе* словъ, т. е. *представленія, понятія и иные акты мысли, выражаемые словами*, занимаютъ поле сознанія, или, какъ говорятъ психологи, проявляются въ свѣтлой точкѣ сознанія. Остальные же части слова остаются за порогомъ сознанія; но здѣсь нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Если данный актъ рѣчи-мысли предназначенъ для передачи другому, то звуковая форма словъ должна такъ или иначе проявиться въ сознаніи этого другого: онъ долженъ услышать звуки словъ. Но при этомъ обыкновенно эти звуки только мелькаютъ въ сознаніи, не задерживаясь въ немъ, не требуя для себя значительной доли вниманія. Вниманія тутъ требуется лишь столько, сколько его нужно, чтобы разслышать звуки словъ. Иначе говоря, *на звуковую форму тратится минимумъ силы*. Этотъ минимумъ увеличивается (и, разумѣется, въ ущербъ интересамъ мысли)

тогда, когда сдѣланы ошибки въ произношеніи словъ, въ удареніи, въ согласованіи и т. д. Въ этомъ случаѣ къ звуковой формѣ, неправильно, непривычно прозвучавшей, невольно привлекается лишняя доля вниманія,—и весь процессъ тратитъ больше силы, чѣмъ нужно. При молчаливомъ мышленіи звуковая форма совсѣмъ упраздняется,—и эта статья, такъ сказать, совсѣмъ вычеркивается изъ оборота мысли. Мышленіе вслухъ сопряжено съ излишней тратой.—Что касается артикуляціи, то она у говорящаго для передачи мысли и у мыслящаго про себя совершается автоматически, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ (молчаливое мышленіе) она почти всегда фиктивна, не завершена. Мысля про себя, мы невольно дѣлаемъ соотвѣтственныя движенія языкомъ, губами и т. д., но не доводимъ этихъ артикуляціонныхъ движеній до конца. Но, во всякомъ случаѣ, артикуляція словъ, все равно—дѣйствительная или фиктивная, совершается автоматически, безсознательно и не сопряжена съ тратой умственной силы (трата физической силы, разумѣется, имѣетъ здѣсь мѣсто,—вѣдь органы работаютъ). Задержка процесса и привлеченіе доли вниманія къ этому пункту бывають въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ ошибка въ артикуляціи. Отсюда, между прочимъ, видно, насколько важна для мышленія правильная, т. е. общепринятая артикуляція и соотвѣтственная звуковая форма словъ, не рѣжущая ухо и потому не отвлекающая вниманія.

Теперь обратимся къ грамматической формѣ словъ. Она мыслится за порогомъ сознанія и, слѣдовательно, не тратитъ умственной силы, не отвлекаетъ вниманія. Для примѣра возьмемъ какую-нибудь фразу. Положимъ, вы говорите: «эту книгу я прочиталъ съ удовольствіемъ». Говоря или мысля эту фразу, вы не сознаете, не отдаете себѣ отчета въ томъ, что «эту» есть мѣстоименіе указат. женск. рода въ винит. пад. един. числа и согласуется съ «книгу», а послѣднее есть существительное женск. рода ед. числа въ винит. пад. и управляется глаголомъ «прочиталъ», а «я»—мѣстоим. 1-го л. ед. чис. и т. д. и т. д. Мы уже знаемъ, что грамм. формы суть акты апперцепціи; въ данной фразѣ вещь «книга» апперцептирована категоріей существительнаго, имѣющаго въ русск. яз. грамматическій признакъ женск. рода,—говорящій субъектъ апперцептированъ мѣстоименіемъ «я» и т. д. Если

всѣ эти акты граммат. апперцепціи перевести въ сознаніе, то они займутъ тамъ очень много мѣста, привлекутъ къ себѣ большую долю вниманія,—и это будетъ непроеизводительная трата умственной силы. Такая трата, обусловленная искусственнымъ перенесеніемъ грамматическихъ формъ въ сознаніе, по необходимости производится тогда, когда мы учимся языкамъ или когда подвергаемъ анализу грамматическія формы въ цѣляхъ изученія или изслѣдованія. Всѣ мы помнимъ огорченія дѣтскихъ лѣтъ, когда насъ заставляли сознать, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что «человѣкъ» есть имя существительное мужск. рода и склоняется такъ-то, а «добрый, добрая, доброе» есть имя прилагательное и т. д. Это была въ своемъ родѣ умственная операція, довольная мучительная, но безусловно необходимая въ интересахъ образованія: юнаго пациента насильно заставляли тратить не мало умственной силы на сознаніе тѣхъ формъ мысли, которыя, въ интересахъ самого мышленія, должны дѣйствовать безсознательно, автоматически. Операція была мучительна, но благотѣльна. Помимо того, что она является необходимымъ основаніемъ всего дальнѣйшаго обученія и образованія, она въ то же время служитъ лучшимъ и наиболѣе приспособленнымъ къ дѣтскому возрасту орудіемъ пробужденія самосознанія, приученія къ рефлексіи. Безъ рефлексіи нѣтъ ни самосознанія, ни критики. Пусть рефлексія подрываетъ живую непосредственность психики, но вѣдь съ этою живою непосредственностью человѣкъ недалеко пойдетъ въ своемъ умственномъ развитіи. Задача образованія не въ томъ, чтобы наполнить голову фактическимъ матеріаломъ, а въ томъ, чтобы, упряжная рефлексію, воспитать самосознаніе и выработать критическую силу мысли. Первая и простѣйшая рефлексія—это именно рефлексія грамматическая. На эту точку зрѣнія и нужно стать, чтобы правильно судить о воспитательномъ значеніи языковъ въ низшей и средней школѣ, сперва, разумѣется, родного, а потомъ и иностранныхъ вообще, классическихъ—въ частности.

Извиняюсь за это невольное отклоненіе въ сторону педагоги и возвращаюсь къ занимающему насъ вопросу объ отношеніи различныхъ частей слова къ сознанію.

Грамматическая форма словъ мыслится безсознательно, автоматически. При этомъ, конечно, мы имѣемъ въ виду языкъ

привычный, тотъ, на которомъ человѣкъ мыслить легко, непроизвольно, не задумываясь надъ приисканіемъ того или другого слова, надъ употребленіемъ той или иной формы. Это—тотъ языкъ, который человѣкъ усвоилъ съ дѣтства,—языкъ родной, Muttersprache, языкъ національнаго общенія, молчаливой мысли и сновидѣній. Мысля на такомъ—автоматически-дѣйствующемъ—языкѣ, человѣкъ совсѣмъ не тратитъ или, въ худшемъ случаѣ, тратитъ ничтожный минимумъ умственной силы на артикуляцію, на звуковую форму словъ и, что важнѣе всего, на грамматическую форму словъ. Пусть артикуляція и звуковая форма, даже если бы онѣ совершались вполнѣ сознательно, не повлекли бы за собою большой траты умственной силы; но зато грамматическая форма, перенесенная въ сознание, произвела бы тамъ настоящее опустошеніе, потому что грамматическая апперцепція есть серьезная, сложная, большая работа мысли. Она поглотила бы наибольшую часть вниманія, и на мышленіе значенія, матеріальнаго содержанія словъ осталось бы слишкомъ мало умственной силы. *Безсознательность грамматическихъ формъ—это необходимое условіе для освобожденія умственной силы, въ нихъ накопленной*; эта освобожденная сила устремляется на лексическое значеніе словъ, т. е. на представленія, понятія и иные акты мысли, образующіе сознательную часть слова. Устремляясь сюда, умственная сила обрабатываетъ этотъ матеріалъ въ новомъ направленіи, подсказанномъ грамматической апперцепціей; такъ, на этомъ новомъ поприщѣ мысли грамматическая категорія существительнаго превращается въ логическую категорію вещи, грамматическая категорія глагола—въ логическую категорію силы. Такъ понимаю я отношеніе между мыслью грамматической и мыслью логической. *Последняя, по этой моей теоріи, есть новая, высшая форма мысли, возникшая на счетъ силы, сбереженной грамматической мыслью.*

Возникновеніе логической мысли, устремленной на значеніе словъ и вырабатывающей изъ этихъ значеній болѣе или менѣе правильныя *понятія*, при чемъ грамматическая форма, какъ и слѣдуетъ, скрывается за порогомъ сознанія, и привело къ иллюзіи, будто эти высшія понятія суть нѣчто отдѣльное отъ словъ и отъ нихъ независимое. Нѣтъ, *это все тѣ же значенія словъ, но только усовершенствованныя*. Появленіе

логическаго мышленія, овладѣвающаго значеніями словъ, ведетъ къ тому, что эти значенія расширяются, углубляются, совершенствуются и, слѣдовательно, занимаютъ больше мѣста въ сознаніи, въ силу чего ихъ оболочка, грамматическая форма, оттѣсняется еще глубже въ сферу безсознательную, удаляется отъ порога сознанія и становится еще автоматичнѣе, является еще болѣе удобнымъ орудіемъ мысли, еще болѣе совершеннымъ процессомъ сбереженія и накопленія силы. Въ этомъ смыслѣ грамматическая форма новыхъ языковъ (нѣм., франц., англ.) гораздо *формальнѣе*, т. е. совершеннѣе, чѣмъ грамматическая форма древнихъ языковъ, которая вращалась очень близко къ порогу сознанія и легко проникала въ содержаніе словъ, опредѣляя ихъ матеріальный смыслъ. Древніе мыслили многія понятія по внушенію грамматической формы.

Изучая исторію языковъ, какъ съ ихъ внѣшней, звуковой (фонетической) стороны, такъ и съ внутренней *синтактической*, мы приходимъ къ слѣдующему основному положенію, которое представляется мнѣ весьма важнымъ и плодотворнымъ для дальнѣйшихъ изученій въ области психологіи языка и мышленія.

По мѣрѣ развитія языковъ и съ общимъ прогрессомъ мысли, столь тѣсно связаннымъ съ усовершенствованіемъ языка, внѣшняя, звуковая форма словъ (т. е. процессы ихъ артикуляціи и звуковые эффекты) упрощается; напротивъ, синтактическая сторона и съ нею тѣсно связанныя морфологическія категоріи усложняются, обогащаются. Психологическій смыслъ этой формулы таковъ. Процессы артикуляціи и звуковые эффекты, по самой сущности дѣла, не могутъ отстоять далеко отъ порога сознанія; они легко переходятъ въ сознаніе и мелькаютъ тамъ, въ особенности звуковые эффекты; артикуляція есть постоянный, автоматическій спутникъ грамматической мысли и, какъ работа органовъ, тратитъ силу, хотя бы и незначительную. Понятно, что—въ интересахъ сбереженія силы—звуковой составъ словъ долженъ упрощаться, становится по возможности короче, чтобы, мелькая въ сознаніи, онъ не звучалъ бы тамъ слишкомъ долго и громко; артикуляція, соотвѣтственно этому, да и сама по себѣ, какъ работа фیزیологическая, должна развиваться въ томъ же направленіи упрощенія, облегченія этой работы. Оттуда общеизвѣстный переходъ отъ обилія, полноты, звуковой сложности

внѣшнихъ формъ древнихъ языковъ къ ихъ немногочисленности, ихъ краткости и звуковой несложности — въ новыхъ языкахъ. Оттуда и стремленіе новыхъ языковъ устранять падежныя и инныя окончанія.

Многосложная работа мысли, направленная на усовершенствованіе *значеній* словъ, т. е. на развитіе старыхъ понятій, на созданіе новыхъ, иначе говоря, научно-философская и художественная дѣятельность, — расширяетъ и углубляетъ *сознаніе*, или, лучше сказать, дѣлаетъ его ареною болѣе энергичной, болѣе интенсивной работы ума. Эта работа требуетъ большей затраты умственной силы, слѣдовательно, нуждается въ томъ, чтобы побольше силы освобождалось изъ различныхъ областей сферы безсознательной, — *изъ этого аккумулятора мысли*. Это значитъ, что грамматическія категоріи должны быть шире, совершеннѣе, богаче и вмѣстѣ съ тѣмъ должны таиться и работать подалѣе отъ порога сознанія, дабы не проникать въ сознаніе, не производить той траты, которая выражается во *вниманіи*. Оттуда въ новыхъ языкахъ осложненіе синтактическихъ и морфологическихъ категорій и ихъ оттѣсненіе въ глубь сферы безсознательной. Оттуда, въ свою очередь, вытекаетъ и слѣдующее: искусственное перенесеніе (съ учебными цѣлями) синтактическихъ и морфологическихъ категорій новыхъ языковъ въ сознаніе сопряжено съ болѣшими трудностями, чѣмъ это было въ древности, когда эти категоріи (напр., въ греч. и санскритѣ) стояли гораздо ближе къ порогу сознанія. Теперь эта операція болѣе мучительна, чѣмъ въ старину. Этимъ объясняется тотъ, на первый взглядъ, нѣсколько странный фактъ, что, напр., у индусовъ такъ рано могли появиться грамматическіе труды, поражающіе тонкостью и совершенствомъ грамматическаго анализа. Перенести въ сознаніе грамматическую форму, богатую звуковымъ составомъ, сопровождавшуюся сложной артикуляціей и синтактически-работавшую у самаго порога сознанія, — было дѣломъ сравнительно легкимъ. ✓

Упомянувъ о *синтактическихъ* формахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно перешли къ тѣмъ процессамъ грамматическаго мышленія, которые мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ, ради упрощенія задачи. Мы вели рѣчь о *словахъ* съ ихъ артикуляціей, звуковой формой и также формой грамматической. Послѣдняя (категоріи частей рѣчи) занимала насъ лишь

постольку, поскольку она свойственна словамъ, отдѣльно взятымъ. Но вѣдь акты грамматическаго мышленія сравнительно рѣдко состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы говоримъ и мыслимъ не отдѣльными словами, а группами словъ, и при томъ такими, которыя проникнуты особой внутренней связью и составляютъ *осмысленное* и психологически-организованное цѣлое. Это цѣлое называется *предложеніемъ* и—въ языкѣ—является *прототипомъ* того аналогичнаго цѣлаго, которое въ логикѣ называется *сужденіемъ*. Вотъ теперь и спросимъ: какіе психическіе акты лежатъ въ основаніи грамматическаго предложенія? Ихъ много. Но важнѣйшій изъ нихъ это—тотъ, въ силу котораго мысль беретъ одну грамматическую форму, какъ *подлежащее*, а другую—какъ *сказуемое*. Напр., слово «книга», взятое отдѣльно, есть только имя существ. ж. р. ед. числа и пр. Но въ предложеніи «эта книга принесла мнѣ большую пользу» то же самое слово—уже не только существительное, но еще и *подлежащее*. Иначе говоря, взятое отдѣльно, оно образуетъ одну единицу грамматическаго мышленія, а въ предложеніи оно представляетъ собою 2 единицы, два акта, и стало быть, здѣсь оно исполняетъ гораздо болѣшую работу, чѣмъ внѣ предложенія. Слово «принесла», взятое отдѣльно, есть только глаголъ въ прош. вр. ед. ч. и т. д. Въ предложеніи оно, кромѣ того, еще и сказуемое, т. е. оно является здѣсь не только актомъ мышленія значенія и грамматической категоріи, но также актомъ *предсцированія*. Вотъ именно *предсцированіе* и есть основной и важнѣйшій процессъ мышленія, создающій осмысленную группу словъ, именуемую предложеніемъ. Безъ акта предсцированія нѣтъ предложенія.

Оставимъ въ сторонѣ всѣ прочіе акты, участвующіе въ образованіи предложенія, и займемся исключительно однимъ *предсцированіемъ*.

Что же такое *актъ предсцированія*, какъ процессъ психологическій, какъ явленіе мысли?

Сопоставимъ два выраженія: «*бѣлый* снѣгъ» и «снѣгъ (есть) *бѣлый*». Въ обоихъ одинъ и тотъ же признакъ бѣлизны отнесенъ къ снѣгу. Но въ первомъ выраженіи онъ отнесенъ къ снѣгу, какъ его атрибутъ, во второмъ же—какъ его предикатъ. Атрибутъ въ языкѣ выражается именемъ прилагательнымъ; эта часть рѣчи есть актъ грамматическаго мы-

пленія, въ силу котораго признакъ (напр., «бѣлизна») понимается (апперцепируется), какъ данный въ вещи, какъ пассивно въ ней находящійся. Выраженіе «бѣлый снѣгъ» не составляетъ предложенія, въ немъ нѣтъ предикцірованія, и его можно опредѣлить какъ умственный процессъ разложенія цѣльнаго воспріятія или представленія предмета («снѣгъ») на воспріятіе самого предмета и одного изъ его признаковъ («бѣлизны»). Актъ разложенія осуществляется силою грамматическихъ категорій (частей рѣчи); предметъ отливается въ форму существительнаго (снѣгъ), а его признакъ — въ форму прилагательнаго (бѣлый). И весь этотъ процессъ, какъ работа мысли, представляется болѣе легкимъ, менѣе энергичнымъ, менѣе активнымъ, чѣмъ тотъ, который данъ въ выраженіи «снѣгъ—бѣлъ». Это уже — предложеніе, и здѣсь мы находимъ не только актъ разложенія представленія предмета на представленіе его самого и его признака, но еще и новое движеніе мысли, состоящее въ томъ, что выдѣленный признакъ (бѣлизны) вновь отнесенъ къ предмету — какъ его предикатъ. Это новое движеніе мысли есть особая работа мозга и психики, отличающаяся большею энергичностью, большею напряженностью, большею силою, чѣмъ работа разложенія, данная въ выраженіи «бѣлый снѣгъ». Если бы мы могли какъ-нибудь проникнуть въ умственную лабораторію, гдѣ совершаются процессы мышленія, то мы, такъ сказать, воочию убѣдились бы въ томъ, что данные акты мышленія («бѣлый снѣгъ» и «снѣгъ—бѣлъ») отличаются одинъ отъ другого весьма замѣтнымъ, весьма существеннымъ образомъ. Проникнуть туда мы не можемъ, но, прислушиваясь къ движенію нашей мысли, вникая въ характеръ ея, стараясь уловить ея тайное прозябаніе, мы прійдемъ къ слѣдующему «описанію» умственной природы обоихъ актовъ — *аттрибутированія* («бѣлый снѣгъ») и *предикцірованія* («снѣгъ бѣлъ»): выраженіе «бѣлый снѣгъ» значитъ, что если дано представленіе снѣга, то дано и представленіе его бѣлизны, и что мыслящій (говорящій) субъектъ тутъ ни при чемъ, — къ нему мысль не обращается, онъ остается въ тѣни; напротивъ, выраженіе «снѣгъ бѣлъ» значитъ: я (мыслящій субъектъ) знаю (думаю, утверждаю, полагаю и т. д.), что представленіе бѣлизны можетъ или должно быть отнесено къ представленію снѣга, какъ его предикатъ. Здѣсь, въ этомъ

актъ мышленія, есть несомнѣнное (хотя и невыраженное) обращеніе къ «я» мыслящаго (говорящаго) субъекта; здѣсь болѣе или менѣе явственно обнаруживается какъ бы самосознаніе или, лучше, самочувствіе субъекта, который тутъ скрыто мыслится, какъ *виновникъ*—не того, конечно, что снѣгъ бѣлъ, а того, что отношеніе бѣлизны къ снѣгу представлено, какъ предикативное, а не иное. Предицированіе («сказуемость»), въ противоположность другимъ процессамъ, участвующимъ въ образованіи предложенія, есть болѣе энергичный актъ мысли, характеризующійся такъ или иначе невольнымъ обращеніемъ къ «я» субъекта, представляющей собою какъ бы усиленіе мысли, родъ какъ бы открытія или, по крайней мѣрѣ, настойчиваго сосредоточенія на данномъ признакѣ, взятомъ, какъ сказуемое. Оттуда—большая напряженность вниманія на сказуемомъ, чѣмъ на другихъ частяхъ предложенія (при прочихъ равныхъ условіяхъ). Можно сказать, что предикатъ больше другихъ частей задерживается въ свѣтлой точкѣ сознанія и ярче освѣщается. Слѣдовательно, этотъ актъ мышленія долженъ обходиться намъ дороже другихъ,—онъ является по преимуществу тратой энергіи.

Изъ этого описанія или этой характеристики акта предицированія само собою выдѣляется слѣдующая теорія его происхожденія: онъ есть какъ бы *гомологъ воли*, т. е. повтореніе въ новомъ, переработанномъ, перерожденномъ видѣ, въ области умственныхъ процессовъ, того основнаго явленія психики, которое извѣстно подъ именемъ *волевыхъ актовъ*.

Эта теорія требуетъ еще разработки. Я не буду здѣсь останавливаться на вопросѣ о происхожденіи психическаго явленія предицированія, равно какъ и на разясненіи признаковъ этого явленія, поскольку они выходятъ за предѣлы мышленія грамматическаго. Есть предицированіе до языка (у животныхъ, гдѣ, надо полагать, оно гораздо ближе стоитъ къ волевому акту) и есть предицированіе логическое—выше языка. Я здѣсь имѣю въ виду только лингвистическое, грамматическое. *Его отличительная черта въ томъ, что оно дано вмѣстѣ съ грамматическою категоріею.* Въ языкѣ предикатъ это—сказуемое, выраженное глаголомъ или именами, соединенными съ глаголомъ вспомогательнымъ, который называется «связкою». Разъ предицированіе неразлучно съ грамматической апперцепціей, то это значить, что тутъ происходитъ двойная работа мысли,

два акта. Одинъ актъ, предидицированіе само по себѣ, какъ мы видѣли, протекаетъ въ сознаніи, овладѣваетъ вниманіемъ, является усиліемъ мысли и, слѣдовательно, тратитъ силу. Другой актъ, грамматическая апперцепція, какъ мы знаемъ, совершается безсознательно, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, не требуетъ усилій, будучи автоматическимъ, и, слѣдовательно, берегаетъ силу. Это—образчикъ тѣхъ процессовъ мышленія, которые въ одно и то же время и тратятъ и берегаютъ.

Говоря такъ, я имѣю въ виду сбереженіе относительное, а не абсолютное. Не всѣ грамматическія формы являются одинаково совершеннымъ орудіемъ сбереженія умственной силы. Есть между ними такія, которыя, очевидно, тратятъ или тратили больше, чѣмъ другія. Съ этой точки зрѣнія, огромный интересъ представляетъ историческое изученіе грамматическихъ формъ сказуемаго. Возникаетъ вопросъ о грамматической эволюціи сказуемаго, о его древнѣйшихъ или архаическихъ формахъ, о замѣнѣ послѣднихъ другими, болѣе новыми, о направленіи, въ какомъ совершается эволюція, наконецъ, о тѣхъ вкладкахъ въ высшую—логическую—мысль, которые дѣлаются этимъ прогрессомъ языка.

Вы, конечно, понимаете, какъ великъ этотъ вопросъ, и какія грандіозныя перспективы изысканій открываются первою удачною попыткою его постановки,—первыми изслѣдованіями въ этой области, если только они произведены научно методически и просвѣтлены глубокимъ философскимъ воззрѣніемъ.

Такія изслѣдованія были сдѣланы здѣсь въ Харьковѣ и впервые опубликованы въ 1874 году. Этотъ первый опытъ великаго начинанія несомнѣнно былъ великимъ подвигомъ научнаго творчества. Это былъ подвигъ А. А. Потебни, покойнаго профессора Харьковскаго университета.

Въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» онъ изслѣдовалъ эволюцію сказуемаго въ русскомъ языкѣ, въ другихъ славянскихъ и литовско-латышскомъ. Онъ выяснилъ различіе между простымъ сказуемымъ (изъ одного глагола) и составнымъ (изъ глагола-связки и причастія или имени существительнаго или прилагательнаго). Онъ доказалъ большую древность или архаичность составнаго сказуемаго, въ особенности той формы его, въ которой является причастіе. Онъ прослѣдилъ различные пути, по которымъ составныя сказуемыя переходятъ въ простыя, глагольныя, и

разъяснилъ внутренній психологическій смыслъ этой эволюціи. Вопросъ, имъ поставленный, гласить: «откуда и куда мы идемъ въ области грамматическаго мышленія?» Отвѣтъ, имъ найденный, утверждаетъ, что мы идемъ отъ именныхъ формъ сказуемаго къ глагольнымъ, что предложеніе развивается въ направленіи глагольности сказуемаго, и что, наконецъ, эта эволюція грамматической мысли есть основаніе аналогичной эволюціи высшаго мышленія, развивающагося въ направленіи господства понятія силы. Въ естествознаніи понятіе матеріи уже почти разложилось и замѣнено понятіемъ силъ. Это великое событіе въ области высшей мысли, являющееся основаніемъ научнаго познанія и научно-философскаго творчества истекшаго вѣка (въ особенности въ его второй половинѣ) и, очевидно, призванное заправлять дальнѣйшимъ движеніемъ мысли въ XX вѣкѣ,—это событіе должно быть понимаемо, какъ вкладъ грамматическаго мышленія въ научное, какъ даръ языка—логикѣ. Эволюція сказуемаго въ направленіи отъ именъ и причастій къ глаголу, совершавшаяся безсознательно, не тратила, а сберегала силу мысли. Сбереженная сила, освобождаясь, дала новую логическую, научно-философскую категорію *силы*. Какъ *форма* мысли, она намъ досталась даромъ, уготованная эволюціей языка.

Все изложенное, надѣюсь, дастъ нѣкоторое понятіе о психологическихъ отношеніяхъ языка, т. е. грамматическаго, лингвистическаго мышленія къ высшему, о значеніи языка въ эволюціи ума. Съ тѣмъ вмѣстѣ становится яснымъ великое призваніе *науки о языкѣ* въ дѣлѣ изученія природы, развитія, законовъ и всемірной роли разума человѣческаго.

Прогрессъ науки, а съ нимъ и человѣчества, немислимъ безъ постоянного расширенія горизонтовъ, безъ открытія новыхъ перспективъ, безъ великихъ начинаній. Оттуда—огромная цѣнность тѣхъ творческихъ умовъ, которые своими глубокими изысканіями расширяютъ видимый горизонтъ мысли и даютъ намъ возможность заглянуть въ безконечную, манящую даль познанія...

И эта научно философская даль такъ величественна, и ея вѣяніе такъ благотворно, что—психологически—она представляется сродни другой безконечности — *нравственнаго идеала*.

Родственность этихъ двухъ идеальныхъ стремленій ста-

новится очевидно, когда мы вникаемъ въ характерныя психологическія черты научно-философской дѣятельности, съ одной стороны, и нравственного уклада личности, съ другой. Глубокая *правдивость* мышленія, *искренность* познавательныхъ процессовъ, стремленіе и умѣніе цѣнить мысль ради мысли, а не ради чего-либо посторонняго ей—вотъ черты, которыми характеризуется идельный типъ истиннаго ученаго, подвижника познающей мысли, испытателя тайнъ природы и психики. Эти черты, по существу дѣла, суть черты *нравственныя*. Или (говоря терминами Канта) *чистый разумъ родится съ разумомъ практическимъ*. Конечно, въ дѣйствительности этотъ идеальный типъ встрѣчается сравнительно рѣдко, но—тѣмъ драгоцѣннѣе онъ! И когда онъ встрѣчается, тогда мы видимъ ясно, что высокое достоинство мысли идетъ объ руку съ моральной чистотой, съ чуткостью, съ неумолимостью категорическаго императива нравственности. Такіе, какъ Спиноза, Кантъ, Дарвинъ, являя зрѣлище высокой мысли и чистой жизни, должны быть понимаемы, какъ *правило, хотя и рѣдкое*. Такіе, какъ, на примѣръ, Бэконъ, должны быть понимаемы, какъ *исключеніе*, къ сожалѣнію, слишкомъ частое.

Потѣбня безспорно принадлежалъ къ *правилу*. Скоро исполнится 10 лѣтъ, какъ его нѣтъ между нами. Но мы еще помнимъ, что это былъ человѣкъ не только высокой мысли, но и безупречной жизни, человѣкъ, одаренный крайне-чуткимъ аппаратомъ нравственнаго чувства, всегда—какъ барометръ—безошибочно-точно реагировавшимъ на отрицательныя явленія дѣйствительности. Мы еще помнимъ, что это былъ въ одно и то же время человѣкъ глубокихъ научныхъ идей и живыхъ нравственныхъ негодованій.

Первыя сохраняются въ его ученыхъ трудахъ. Будемъ желать и стараться, чтобы сохранялись и вторыя—въ нашей памяти, какъ образецъ, какъ завѣщаніе.